

**ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА**  
**ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ**

Фридрих Хоссбах

# **ПЕХОТА ВЕРМАХТА НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ**



**31-Я ПЕХОТНАЯ ДИВИЗИЯ В БОЯХ  
ОТ БРЕСТА ДО МОСКВЫ**

**1941—1942**

**Фридрих Хоссбах**  
**Пехота вермахта на Восточном**  
**фронте. 31-я пехотная**  
**дивизия в боях от Бреста**  
**до Москвы. 1941—1942**  
**Серия «За линией**  
**фронта. Военная история»**

*Издательский текст*

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=8507722](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8507722)*

*Пехота вермахта на Восточном фронте. 31-я пехотная дивизия в боях  
от Бреста до Москвы. 1941–1942: ЗАО Центрполиграф; М.; 2014  
ISBN 978-5-9524-5141-4*

### **Аннотация**

Фридрих Хоссбах – участник Первой и Второй мировых войн, генерал пехоты, кавалер Рыцарского креста с дубовыми листьями в своей книге предпринял попытку объяснить, как и почему провалилось немецкое наступление на Россию в 1941–1942 годах. Хоссбах начинает повествование с анализа состояния вооруженных сил вермахта и советских войск на момент начала войны, касаясь планов, тактики и стратегии противных сторон. Затем автор переходит к главной мысли своей

книги, и заключается она в том, что войска не только орудие высшего командования, они могут стать и его жертвой. С целью продемонстрировать влияние точки зрения и приказов немецкого командования на свои войска, Хоссбах рассматривает пример частей 31-й пехотной дивизии, воевавшей на Восточном фронте в 1941–1942 годах. Книга иллюстрирована картами и таблицами.

# Содержание

Введение	6
Глава 1	35
Вартегау	35
Конец ознакомительного фрагмента.	46

# **Фридрих Хоссбах Пехота вермахта на Восточном фронте. 31- я пехотная дивизия в боях от Бреста до Москвы. 1941–1942**

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2014

© Художественное оформление серии, ЗАО «Центрполиграф», 2014

*Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.*

# **Введение**

## **Историческая параллель: 1812 и 1941 год**

### **А**

Предпринятые в недавнее время попытки объяснить провал немецкого наступления против России в конце 1941 года суровым русским климатом не были первыми в военной истории; подобные тенденции были заметны в военной литературе и после поражения наполеоновской армии в 1812 году. Однако уже в прошлом столетии был положен конец легенде о том, что причиной проигрыша войны 1812 года стала холодная русская зима. Истинную причину неудачи следует искать в завышенных политических и военных притязаниях Наполеона.

Его Великая армия пала жертвой несоответствия между ее стратегическими задачами и ее фактической боеспособностью. Наполеону не удалось добиться военного разгрома России в ходе быстротечной летней кампании 1812 года в самом ее начале, воспользовавшись большим числен-

ным превосходством<sup>1</sup>. Русскому военному командованию удалось избежать желательного для Наполеона решающего сражения на границе России, вывести армии из стратегического охвата и – хотя это и не было запланировано в самом начале – отвести главные силы в глубь страны.

Даже полководец такого масштаба, как Наполеон, должен был понимать, что ни один военачальник не может безнаказанно нарушать немногочисленные, но непреложные для всех времен правила военного искусства. Пренебрежение законом «истощения сил наступающего» (Клаузевиц) отомстило в 1812 году Наполеону, а 129 лет спустя – Гитлеру. Чем больше император удалялся от своей исходной базы в Германии, чем дальше углублялся он на территорию России, тем быстрее утомлялась его армия, несмотря на то что на этом пути к Москве было дано лишь два сражения (у Смоленска и у Бородино)<sup>2</sup>.

Когда Наполеон после относительно быстрого продвижения – длительностью 84 дня<sup>3</sup> – достиг столицы противника, в распоряжении императора осталась лишь одна треть тех

---

<sup>1</sup> В начале войны 450 тысячам французов и их союзников противостояли 160 тысяч русских. *(Здесь и далее примеч. авт., если не указано иного.)*

<sup>2</sup> Это только самые крупные сражения. Однако не следует забывать бои при Мире 27–28.06 (9 – 10.07), Салтановке 8(20).07, Кобрине 15(27).07, Островно 13–15 (25–27).07, Клястицах 18–20.07 (30.07–1.08), Красном 2(14).08, Валутиной Горе 7(19).08. *(Примеч. ред.)*

<sup>3</sup> С конца июля до 13 августа Наполеон, в районе Витебска, дал своей армии двухнедельную передышку, использованную для улучшения снабжения войск.

сил, которые он собрал для похода в Россию. Из 363 тысяч человек, находившихся под его непосредственным командованием 24 июня, когда он перешел Неман близ Ковно (современный Каунас), выбыло 268 тысяч. Французская армия как по своим внутренним качествам, так и организационно оказалась не готова к требованиям, предъявленным ей русским театром военных действий<sup>4</sup>. Почти ежедневная необходимость устройства биваков, недостаточная укомплектованность этапных служб, плохое состояние продовольственного снабжения и медицинской службы<sup>5</sup>, а также упадок воинской дисциплины сильно ослабили мощь армии уже во время наступления, угрожающе кося ее ряды. Дезертирство и болезни достигли угрожающего уровня; боевые потери, например 10 тысяч человек 16/17 августа в Смоленске и 28 тысяч человек в сражении у Бородино 7 сентября<sup>6</sup>, составили лишь небольшую часть общих потерь императорской армии. В Москву 15 сентября вошли лишь 95 тысяч человек; около 110 тысяч солдат прикрывали пути сообщения с Германией – слишком много в сравнении с численностью действующей

---

<sup>4</sup> Weygand. S. 261 ff.

<sup>5</sup> В начале кампании в войсках насчитывалось 826 врачей, из которых погибли, попали в плен и пропали без вести 600 человек (Хорндаш. Хирург Наполеона. С. 145).

<sup>6</sup> Это французские, заниженные данные. По данным русских историков, в Смоленском сражении 4–6 (22–24) августа потери французов составили 20 тыс. убитыми и ранеными, при Бородино 26 августа (7 сентября) свыше 50 тыс. (Примеч. ред.)



армии и слишком мало для надежной охраны путей подвоза снабжения из Ковно (около 600 километров).

Надежды Наполеона на то, что русская знать сможет убедить царя Александра I к заключению мира, не оправдались, так же как надежды Гитлера на то, что советская политическая система в 1941 году рухнет после первых же ударов вермахта. Занятие Наполеоном столицы не ослабило волю русского императора и русского народа к сопротивлению, а, напротив, укрепило ее. Войдя в Москву, Наполеон не имел сил ни для дальнейших наступательных действий, ни для успешной обороны уже захваченной территории. Длительным, чрезмерным напряжением сил своей армии Наполеон сам поставил себя в неблагоприятное положение, в каком он оказался в Москве. Ослабление его армии, неуклонное усиление противника и нападения на фланги и тыл французов вынудили Наполеона к отступлению. Так как решение об отходе было принято слишком поздно, Наполеон совершенно утратил свободу маневра, и перемещения его таявшей армии попали в полную зависимость от действий противника.

Отход из Москвы начался 7(19) октября. Холода, однако, наступили лишь в первой декаде ноября. «Все, что позже говорили о неожиданно ранних и сильных холодах император и его угодливое окружение, стараясь оправдать катастрофическую неудачу отступления из России, было неправдой; как раз в 1812 году холода наступили позже и были менее продолжительными, чем обычно в этой стране; степень

похолодания не могла в том году никого удивить»<sup>7</sup>. Наполеон сознательно искажил истину, когда 6 декабря 1812 года, в день, когда он оставил армию на произвол судьбы, сказал своим маршалам: «Вы, однако, знаете историю наших бедствий, как знаете и о том, какую незначительную роль сыграли в них русские (такая наглая ложь – в стиле Наполеона. – *Ред.*). Что же касается нас, то нашим единственным победителем явился мороз (см. примеч. выше. – *Ред.*). Он стал неприятным сюрпризом даже для местных жителей, привычных к зимним холодам»<sup>8</sup>. После того как остатки армии – это были в основном немцы и поляки – совершили свой последний воинский подвиг – форсировали 26–28 ноября Березину, ее численность составила 14 тысяч боеспособных солдат и 26 тысяч раненых и обмороженных. Снегопады и морозы первой недели декабря резко увеличили потери и привели армию к окончательной катастрофе.

В результате этой кампании Великая армия потеряла по меньшей мере 500 тысяч человек из 612 тысяч (включая пополнения к первоначальным 450 тыс.), из них около 250 тысяч убитыми, и, кроме того, 150 тысяч лошадей и 1000 орудий. Потери среди немцев, находившихся в составе наполеоновской армии, составили 200 тысяч человек<sup>9</sup>. Лучшего

---

<sup>7</sup> Йорк фон Вартенбург (*Yorck von Wartenburg*. 2 Teil. S. 173).

<sup>8</sup> *Eisner*. Bd. 9. S. 426.

<sup>9</sup> Для сравнения: безвозвратные потери русской армии в 1812 году составили 120 тыс., из них 46 тыс. было убито и умерло от ран, остальные от болезней (по

союзника Россия обрела в лице своих необъятных просторов. Непрестанные нападения русских на пути подвоза продовольствия и на места расквартирования лишили французскую армию возможности организованно покинуть страну, компенсировав быстротой отхода недостаток снабжения.

«Известно, что император тщательно продумал и блестяще организовал снабжение армии. Но она не смогла воспользоваться этой заботой, так как на плохих дорогах обозы с продовольствием не поспевали за наступающими войсками, и это очень скоро обернулось острой нехваткой провианта. Последний склад, получавший продовольствие из тыла, находился в Вильно. Дальше все потребности Великой армии приходилось заготавливать в местах прохождения ее колонн. В трудных условиях русского театра военных действий упорядоченное снабжение армии численностью полмиллиона человек при тогдашнем состоянии транспорта и дорог оказалось попросту неосуществимым. Было абсолютно невозможно в достаточной степени снабдить и оснастить армию такой численности, устремившуюся к сердцу гигантской Российской империи. Наполеон рассчитывал в генеральном сражении близ Вильно уничтожить русскую армию в ста километрах от границы. Именно на такое развитие событий были рассчитаны все его мероприятия, которые в тогдашних условиях были единственно возможными»<sup>10</sup>.

---

Урланису). (Примеч. ред.)

<sup>10</sup> Фрейтаг-Лорингховен. Армии Первой империи. С. 107.

Наполеон не смог ни одержать победу, ни заключить мир. Мало того, своего лучшего союзника, Александра I, он уступил Англии. Природные особенности России и воля ее народа к сопротивлению – недооцененные Наполеоном – стали дополнительными факторами его поражения. Но главные причины коренились в событиях, происходивших за много лет до начала русской кампании. Мощь военной промышленности самой Франции не соответствовала грандиозным политическим замыслам Наполеона. По своей структуре Великая армия была не французской, а континентально-европейской. По численности в этой армии преобладали иностранцы. В организационном отношении их подчинение командованию французской армии было различным: иностранцы, служившие во французских полках, отдельные формирования на содержании французского правительства, вспомогательные контингенты из зависимых государств и самостоятельные<sup>11</sup> корпуса союзников (Австрии и Пруссии). Таким образом, в составе армии, отправившейся в 1812 году в Восточный поход, сражались (в различных ее организационных структурах) представители многих европейских народов. Их единство опиралось только и исключительно на власть, авторитет и волю одного человека. Помимо многих отличительных признаков, характеризующих общность происхождения, у солдат наполеоновской армии отсутствовал единый душевный порыв. Единение ради идеи, воплощаю-

---

<sup>11</sup> Под общим французским командованием. (*Примеч. ред.*)

щей наднациональную задачу, каковое в наши дни считается необходимой предпосылкой формирования интернациональных армий, не могло, конечно, возникнуть в тогдашних политических условиях. Дело еще больше осложнялось тем, что от внимания европейских народов не могло ускользнуть то обстоятельство, что уставший от войны французский народ шел под знамена императора очень неохотно и без всякого воодушевления. Только в одном 1810 году было вынесено 160 тысяч приговоров лицам, уклонявшимся от службы, а их семьям были назначены значительные денежные штрафы. В течение 1811 и 1812 года во Франции было выловлено около 60 тысяч «уклонистов», насильственно отправленных затем в армию. Нет поэтому ничего удивительного в том, что нежелание утомленного войнами французского народа сражаться за императора оказывало отрицательное воздействие на готовность других народов к самопожертвованию. Но, несмотря на все свои недочеты и слабости, Великая армия – в ходе неудачной кампании 1812 года – явила образцы мужества и героизма как отдельных солдат и офицеров, так и целых частей и соединений. Доблесть наполеоновской армии проявлялась в тех ее соединениях, где сохранялись доверие, дисциплина и дух товарищества.

Наполеон, несомненно, проявил подлинное величие, сумев в условиях той эпохи своей волей организовать и привести в действие гигантскую интернациональную армию. Но император недооценил то главное и решающее, что обеспе-

чило политическое и духовное единство в выполнении поставленной задачи: благородные порывы отдельных людей и стремление к свободе угнетенных народов, разбуженное французской революцией. Эти порывы и устремления были сильнее воли и власти Наполеона.

## Б

Надо сказать, что Наполеон был неплохо и основательно осведомлен о требованиях, предъявляемых армии войной в Восточной Европе. Помимо того, что французский император внимательно читал о походах короля Карла XII и изучал историю и географию России, командование французской армии, на основании собственного опыта, могло по достоинству оценить будущего противника. Кампании 1805 и 1806–1807 годов против Австрии, Пруссии и их русского союзника имели место совсем недавно. В памяти офицеров и старых солдат Великой армии были еще живы представления о тактике, стратегии и боеспособности русской армии, в особенности о ее стойкости в обороне и о мастерском умении отступать. Военные действия осенью и зимой 1806/07 года в разрушенных и разграбленных областях Польши и Пруссии к востоку от Вислы уже тогда поставили французскую армию на грань истощения в результате чрезвычайного напряжения сил, потерь и лишений. Именно воспоминания о тех кампаниях побудили честных людей в окружении импе-

ратора попытаться отговорить его от рискованного похода на Москву. «Никогда еще придворные не нашептывали столько правды в уши государя – но, увы, безуспешно»<sup>12</sup>. Наполеон слепо верил в свою удачу и отмахивался от всех советов и предостережений.

Сегодня мы не можем с полной уверенностью сказать, сколько советников Гитлера предостерегали его от вторжения в Россию и были ли они вообще. Мы не знаем также, насколько стратегическое нападение Гитлера на Советский Союз могло быть объяснено и оправдано отношением и поведением этой страны. Не изменились ли к 1941 году политические интересы заключенного в 1939 году немецко-русского пакта настолько, что можно было в любой момент ожидать выступления Москвы на стороне западных союзников? Насколько достоверными были суждения о военных приготовлениях России, суждения, на основании которых посчитали допустимым риск начала превентивной войны, увеличив тем самым число театров военных действий? Не было ли недооценкой ситуации непринятие в расчет того, что вовлечение России в борьбу будет означать для Германии лишь увеличение числа фронтов? Это положение уже существовало в результате вторжений в Польшу и Скандинавию, в результате победоносных военных действий на западе и юго-востоке Европы, пусть даже на этих фронтах и наступила оперативная пауза. Завоеванные и покоренные страны

---

<sup>12</sup> *Caulaincourt. Mit Napoleon in Russland. S. 54.*

остались фронтами в том смысле, что продолжали связывать немецкие вооруженные силы, необходимые для поддержания порядка и безопасности, а также для подготовки к отражению возможных наступательных действий противника. Кроме того, за счет ослабления фронтов в Европе проводилась кампания в Северной Африке. Гудериан<sup>13</sup> считает, что число немецких дивизий<sup>14</sup>, которые было невозможно перебросить на восток, достигало шестидесяти, в то время как на Восточном фронте немцы могли сосредоточить не более 145 дивизий. Этим силам – согласно письменному докладу Кейтеля правительству от 11 июня 1941 года<sup>15</sup> – Россия могла противопоставить 170 стрелковых дивизий, 33,5 кавалерийской дивизии, а также 46 моторизованных и танковых бригад. Согласно оценкам Йодля, мы *никогда* не сможем довести численность наших войск до уровня необходимой обороны на Восточном фронте<sup>16</sup>.

Но если сил, направленных на Восток в 1940–1941 годах, было недостаточно даже для обороны, то каким же образом они оказались способными к решительному наступле-

---

<sup>13</sup> Guderian. S. 137.

<sup>14</sup> Немцы выделили для нападения на СССР 153 дивизии, в том числе 24 дивизии в резерве ОКХ (германских сухопутных войск), последние планировалось выдвинуть на фронт в первых числах июля. Кроме того, против СССР было брошено 37 дивизий союзников Германии. Итого 190 расчетных дивизий (имевшиеся бригады приравнены к половине одной дивизии каждая). (*Примеч. ред.*)

<sup>15</sup> Seraphim. S. 61.

<sup>16</sup> Seraphim. S. 74.



нию против превосходящих русских сил? Это стало возможным только в результате достижения равновесия за счет того, что недостаточная численность немецких войск компенсировалась их физическим, моральным и материальным превосходством, а также превосходством командования. Но для такой компенсации было недостаточно добродетелей, присущих немецким войскам; были здравые суждения о русских вооруженных силах, неоднократно высказанные высшим командованием германской армии. Оно отлично знало, что основные принципы управления войсками в русской армии, ее стратегическая и тактическая доктрина во многих положениях были такими же, как у нас, так же как и то, что русские вооруженные силы были хорошо обучены и подготовлены. Немецкое командование отлично сознавало, что абсолютное несоответствие между численностью германских соединений и необъятностью русских просторов будет лишь усугубляться по мере развития наступления, так как великое пространство, протянувшееся с востока на запад и с севера на юг, будет лишь все больше и больше пожирать и перемалывать армию. Интересные отчеты личного представителя президента Рузвельта Гопкинса о его беседах со Сталиным в конце июля 1941 года<sup>17</sup> указывают, что русский диктатор с самого начала учитывал огромное значение, которое имели обширные русские пространства для отражения немецкого вторжения. Кроме того, в этих отчетах содержатся указания

---

<sup>17</sup> *Sherwood*. P. 254 ff.

и на то, что Сталин отчетливо представлял себе организационные слабости немецкой стратегии. Расчленение сухопутных войск на танковые и пехотные армии, на вырывающийся вперед моторизованный авангард и отстающую пехоту он рассматривал как возможность нанесения отдельных контрударов, призванных усилить влияние географических факторов и воспрепятствовать успешному завершению немецкого наступления до начала зимы.

Сталин считал, что русские контратаки должны быть направлены в первую очередь против немецких пехотных дивизий, оставшихся без танкового прикрытия. Такая точка зрения указывает на то, что противник верно оценил внутренний недостаток немецкой военной организации. Точно так же понимал ситуацию и немецкий Генеральный штаб во времена Бека (в 1935–1938 гг. Бек был начальником Генштаба сухопутных войск) и Фрича (Фрич в 1933–1938 гг. был командующим сухопутными войсками). Они считали, что наступательную мощь пехоты можно и должно увеличить за счет перераспределения танковых сил. Оба этих военачальника считали тактическое усиление пехоты главной задачей немецкого военного руководства в обеспечении стратегической обороны. Для них не было речи о «стратегически применимом наступательном оружии большого стиля»<sup>18</sup>, так как в качестве цели имперской политики и программы вооружений они видели лишь сохранение Германии.

---

<sup>18</sup> *Guderian. S. 54.*

В тех рамках промышленных и финансовых возможностей, каковые существовали в гитлеровском рейхе, было невозможно механизировать и моторизовать все сухопутные силы. Происшедший, несмотря на это, поворот в политическом и военном руководстве, имевший место после отставки генерал-полковника фон Фрича, потребовал наступательного инструмента, который было невозможно быстро создать. Тенденция – невзирая на объективные ограничения – видеть такой наступательный инструмент только в образе танковых корпусов привела к опасной переоценке возможности повысить боеспособность всей армии за счет частных политических и военных решений. Стремление к «стратегически применимому наступательному оружию большого стиля» способствовало лишь безграничному росту политических притязаний Гитлера.

Структура и организация современных армий подвергается влиянию со стороны политического и военного руководства в гораздо большей степени, чем в предшествующие эпохи. Изобретения и технологии нашего быстротекущего времени приводят к тому, что самое современное и дорогостоящее оружие может быстро устареть. Следовательно – с точки зрения руководства – возникает стремление использовать краткий миг нашего превосходства и применить новое оружие вовремя, пока оно не устарело!

Успешные действия командования и личного состава всех родов вооруженных сил, и прежде всего танковых корпусов,

привели к быстрым победам в Польше, Франции и на Балканах. Однако этот успех можно было считать лишь предварительным, и окончательно оценить достоинства новой наступательной стратегии можно было лишь в другой войне, в которой каждая следующая победа приводила лишь к увеличению числа театров военных действий, ибо не была достигнута главная цель любой войны – установление мира. Оставался открытым вопрос: окажется ли наступательная стратегия, обеспеченная расчленением танковых и пехотных соединений и доказавшая свою эффективность в кампаниях 1939 и 1940 годов, стратегия, обнаружившая, с другой стороны, некоторую внутреннюю противоречивость своей структуры, столь же эффективной и против русской армии.

Ценность опыта предыдущих кампаний всегда является относительной: она определяется географическими особенностями театра военных действий и стратегией противника, и прежний опыт нельзя безоговорочно переносить в новые условия ведения войны.

Устаревшие военные доктрины западных армий трещали по швам под неудержимым натиском немецких танков; несомненно, именно танкам обязано своим возрождением искусство маневренной войны. Характер русского театра военных действий и русских вооруженных сил предъявлял куда более высокие требования к уступавшим им по численности и мощи немецким вооруженным силам<sup>19</sup>, основную массу кото-

---

<sup>19</sup> Вермахт к 22 июня 1941 г. превосходил вооруженные силы СССР как по

рых составляли пехотные дивизии. Попытка ценой перенапряжения всех сил уравнивать их наступательную мощь с боеспособностью более подвижных и лучше вооруженных танковых дивизий заставила пренебречь важнейшим для успеха всей кампании требованием: сохранением сильной, отдохнувшей армии для решающего сражения за Россию. Высшим командованием не был принят во внимание главный принцип стратегии – достижение общего или, по крайней мере, локального – на решающих участках – превосходства (под которым следовало понимать не столько снижение потерь, сколько повышение боеспособности наличных частей и соединений). Пренебрежительное отношение к пределам выносливости людей и моторов<sup>20</sup>, их хищническое использование измотало армию до решающего этапа сражения под Тулой и Москвой и до наступления зимы. «Только тот, кто прошел весь путь по месиву непролазной грязи, в которое превратились дороги, может представить себе неимоверную нагрузку, выпавшую на долю людей и техники, трезво судить о положении на фронте и делать выводы из создавшегося положения. То, что высшее военное руководство не желало учиться на этом печальном опыте и поначалу не верило нашим сообщениям, стоило нам неисчислимых жертв и

---

общей численности личного состава (7 млн 254 тыс. против 5 млн. 373 тыс. у СССР), так и по численности личного состава войск, выделенных для нападения на СССР, в сравнении с противостоящими им советскими войсками приграничных округов. (Примеч. ред.)

<sup>20</sup> Haider. S. 41 und 43.

неудач, которых в противном случае можно было бы избежать» (сентябрь 1941 г.)<sup>21</sup>.

«Если вдуматься, скольких элементов требует сравнение сил (физических и моральных) противоборствующих сторон, то становится понятным, насколько трудно, во многих случаях, определить, кто из противников обладает преимуществом. Иногда такие оценки основываются лишь на силе воображения. Таким образом, определение момента кульминации борьбы требует высокого искусства и тонкого чутья» (Клаузевиц). Так, в ходе непрерывных наступательных операций 1941 года неизбежно должен был наступить момент, когда истощение сил перейдет допустимую меру, если вовремя не ввести в бой сильные резервы. Но, так как резервов не было, а высшее командование<sup>22</sup> не проявило «высокого искусства и тонкого чутья» в определении поворотного пункта и делало выводы лишь из непосредственных результатов происходивших событий и не осознавало, что кульминация борьбы уже миновала, наше наступление закончилось провалом и отступлением. Несмотря на героизм и верность долгу, немецкие солдаты, проявившие невероятную стойкость, были принесены в жертву амбициям несбыточных стратегических целей. В своих воспоминаниях Гуде-

---

<sup>21</sup> *Guderian. S. 196.*

<sup>22</sup> Уровни командования: высший уровень – Верховное главнокомандование вермахта (ОКВ) и Главное командование сухопутных войск (ОКН); средний уровень – командование групп армий и дивизий; нижний уровень – командование бригад, полков и батальонов.

риан<sup>23</sup> весьма отчетливо указывает на несоответствие между убывавшей наступательной мощью его танковой армии (до 5 октября 1941 г. – танковой группы) и теми требованиями, какие ей предъявлял он сам и высшее командование вплоть до наступления зимы. Общие потери на Восточном фронте к 30 ноября 1941 года<sup>24</sup> Гудериан оценивает в 743 тысячи человек (23 процента от общей численности сухопутных сил в три с половиной миллиона солдат и офицеров)<sup>25</sup>.

Невзирая на все победы лета 1941 года, ход военных действий не привел к желаемому результату – уничтожению вооруженных сил противника в европейской части России. Наоборот, сопротивление противника нарастало по мере продвижения германских войск в глубь русской территории. Мало того, уже в сентябре и в еще большей степени в октябре осенняя непогода начала оказывать неблагоприятное воздействие на состояние здоровья личного состава войск и на маневренность. «Ради того, чтобы завершить кампанию в 1941 году и использовать для этого вполне реальные шан-

---

<sup>23</sup> *Guderian*. S. 163, 164, 168, 169, 171, 172, 178, 183, 185, 194, 195, 196, 197, 198, 202, 206, 212, 218 ff.

<sup>24</sup> *Guderian*. S. 232.

<sup>25</sup> В «Руководстве по оборонительной стратегии» (2-й том) и в отчете о санитарных потерях личного состава армии за время мировой войны (3-й том) говорится о том, что в течение первых двух лет Первой мировой войны – за время наступательных действий – потери германской армии на Восточном фронте тоже были относительно выше, чем на Западе.

сы»<sup>26</sup> немецкое командование, проигнорировав весь опыт предыдущих зимних кампаний в России, упорно настаивало на продолжении наступления, имевшего целью захват Москвы. В изданном после сражений у Брянска и Вязьмы приказе фельдмаршала фон Браухича солдатам группы армий «Центр» говорилось: «После многонедельных, тяжелейших оборонительных боев вы 2 октября наконец перешли в наступление. С первых же его часов вы продемонстрировали полное превосходство над противником. Вы прорвали вражеский фронт и под выдающимся руководством командующего группой армий и армейских командиров окружили и уничтожили восемь армий противника.

В этих тяжелых боях против упорно сопротивляющегося врага вы снова подтвердили свою репутацию лучших в мире солдат, несмотря на погоду и отвратительное состояние дорог. Войска и их командиры совершили выдающийся подвиг. Вся Германия с благодарностью и гордостью смотрит на свою армию. Я восхищен каждым из вас и горжусь вами.

Но наша главная задача пока не выполнена. Враг едва ли сможет полностью оправиться от тяжелых людских и материальных потерь и в настоящее время уже не способен к крупным операциям. Но, несмотря на это, опираясь на свои колоссальные человеческие и материальные ресурсы, он на отдельных участках фронта будет продолжать попытки отчаянного сопротивления. Но мы сломим и это его сопротив-

---

<sup>26</sup> *Lofberg*. S. 135.



ление, воспользовавшись, невзирая на снег, дождь и холод, результатами наших побед, и не оставим врага в покое. Нашим девизом и впредь должно оставаться только одно слово: вперед!»

Последовавшие за этим приказом бои уже в первой половине ноября показали, что речь шла не о преследовании выдохшегося и утратившего волю к сопротивлению противника, а о преодолении упорного сопротивления полного решимости врага. Не оправдались мнимые «реальные шансы», на которые немцы рассчитывали исходя из недооценки русских войск, которые в действительности сумели преодолеть тяжелый кризис начала кампании, в то время как наступательный порыв измотанных немецких войск к середине ноября был полностью исчерпан.

Очень неубедительными выглядят попытки людей, которые в то время отвечали за планирование и проведение операций, доказать, что при ином планировании и проведении наступательных действий цель кампании все же могла быть достигнута. Исходный план кампании, разработанный Верховным главнокомандованием вермахта, в общих чертах предусматривал: «Главные силы русских сухопутных войск в Западной России необходимо уничтожить смелыми действиями проникающих далеко на вражескую территорию танковых клиньев, не допуская отхода боеспособных войск противника в глубь страны.

Посредством быстрого продвижения наших войск нуж-

но выйти на линию, из-за которой русские ВВС не смогут осуществлять налеты на объекты на территории германского рейха. Конечная цель операции – создание щита, разделяющего европейскую и азиатскую части России на главной линии Волга – Архангельск. В этом случае объекты последнего промышленного региона, который останется в распоряжении русских, Урала, могут быть в случае необходимости уничтожены люфтваффе»<sup>27</sup>.

Достаточно обладать одним лишь здравым смыслом для того, чтобы понимать, что достичь этой цели за три с половиной месяца летней кампании невозможно; эта задача не могла быть решена и в том случае, если бы на границе России немецкие войска встретили организованное сопротивление готовой к бою армии противника, что предполагал не только Гитлер, но и руководители Верховного главнокомандования вермахта и главного командования сухопутных войск<sup>28</sup>. Переход немецких войск в наступление на широком фронте от Румынии до Восточной Пруссии и установление целей, которые должны были одновременно достичь наступавшие на обоих флангах группы армий, противоречил решению задачи, от которой зависел успех всей кампании, – разгрому основных сил противника и продвижению в глубь русской территории. «Несоответствие между протяженностью фронта и числом имевшихся в наличии соединений, несоответствие,

---

<sup>27</sup> *Loßberg*. S. 164 und 165.

<sup>28</sup> *Seraphim*. S. 64 ff.

на которое Гитлер указывал еще во время предварительного обсуждения плана наступления» оказалось слишком велико<sup>29</sup>.

Сравнение протяженности фронта в начале немецкого наступления от устья Прута до Мемеля с протяженностью фронта по достижении линии Волга – Архангельск показывает, что она должна была увеличиться приблизительно в четыре раза – с 1250 километров<sup>30</sup> до 4500 километров. При этом мы не учитываем невероятную глубину пространства, оставленного за спиной наступающей армии; те участки, которые остались бы не захваченными во время наступления, потребовали бы особого внимания и охраны.

Превентивная война, начатая Гитлером, должна была исключить мнимую опасность того, что Советская Россия, уловив благоприятный для себя момент и воспользовавшись затруднениями Германии, вступит в соглашение с западными врагами рейха. Но на деле вышло нечто совершенно противоположное. Военное ослабление Германии было бы неизбежным даже после победы над Россией, ибо одно удержива-

---

<sup>29</sup> Haider. S. 41.

<sup>30</sup> На самом деле 2110 км – 300 км полоса обороны Прибалтийского особого военного округа (от Балтийского моря до южной границы Литовской ССР), 470 км Западного особого военного округа (от южной границы Литовской ССР до реки Припять), 860 км Киевского особого военного округа (от Припяти до Липканы), 480 км Одесского округа (от Липканы до устья Дуная). К этому надо добавить 1300 км сухопутной границы с Финляндией, оборонявшейся силами Ленинградского военного округа. (Примеч. ред.)

ние и подчинение этой территории потребовало бы присутствия значительных немецких сил, которые, следовательно, не могли бы быть использованы на Западном фронте. Во время Первой мировой войны после заключения Брестского мира на Востоке оставалась немецкая оккупационная армия в составе двадцати пехотных и трех кавалерийских дивизий, которые не могли участвовать в решающих сражениях на Западе.

Как обстояли дела зимой 1941/42 года и как это повлияло на ход немецкого наступления?

19 октября фельдмаршал фон Бок, командующий группой армий «Центр», обратился к войскам с приказом по случаю окончания сражений под Вязмой и Брянском<sup>31</sup>. Немецкие войска совершили выдающиеся подвиги в борьбе с врагом, «несмотря на погоду и отвратительное состояние дорог», как сказал фельдмаршал фон Браухич в своем упомянутом выше приказе. Никто не сомневался, что наступивший период распутицы был предвестником неминуемо надвигающихся зимних холодов. Немецкие войска в 1941 году должны были повторить печальный опыт 1914–1918 годов: военные действия на Востоке сильно осложнились из-за дождей и наступившей в их результате распутицы. Этот период дождей и грязи продолжался все время приближения от Брянска до Белева, то есть до 5 ноября, когда наступила зима. С 5 по 10 ноября чередовались снегопады, морозы и оттепели. С 11

---

<sup>31</sup> См. приложение 1.

ноября, однако, зима полностью и окончательно вступила в свои права. Стало холодно, и снег шел практически непрерывно. 12 ноября термометр показывал температуру минус 17 градусов, 13 и 14 ноября – минус 12. Непролазная грязь на дорогах превратилась в скользкий каток.

Снег и мороз – это не только признаки наступившей зимы; они сильно влияют на жизнь и боеспособность войск, особенно если обмундирование, снаряжение, условия расквартирования и питания не соответствуют зимней погоде. Но все дело в том, что наступившая в середине ноября 1941 года зима не была «необычно ранней и необычно холодной» или «необычно суровой даже по русским меркам»<sup>32</sup>. Наступление продолжалось. Сам по себе приход зимы в это время не мог и не должен был вызывать никакого удивления, ибо согласно многолетним метеорологическим наблюдениям<sup>33</sup> следовало рассчитывать на то, что в течение ноября вся поверхность Восточно-Европейской (Русской) равнины начнет покрываться снегом, а в период с 20 ноября по 10 декабря на огромных пространствах от Архангельска на Крайнем Севере до линии Орша – Орел – Уральск снежный покров станет стабильным и превысит 15 сантиметров. В самой Москве снежный покров устанавливается в среднем 24 ноября – по данным многолетних наблюдений, с 5 ноября по 24 декабря. «В целом можно сказать, что зима 1941/42 года была абсо-

---

<sup>32</sup> Haider. S. 43–44.

<sup>33</sup> Leimbach. S. 80.

лютно нормальной»<sup>34</sup>.

Не могло быть никаких сомнений, что заключительная фаза наступления на Москву будет проходить в снег и мороз. Собственно, даже если бы высшее немецкое командование было не в курсе опыта боев в ноябре во время предыдущих кампаний и пренебрегло научно обоснованными докладами метеорологов, оно должно было читать направленные в вышестоящие инстанции донесения войсковых командиров о погодных условиях. В ставке фюрера не могли не знать, что в полосе наступления группы армий «Центр» зимняя погода установилась 15 ноября. Совершенно непонятно поэтому, как тогдашний начальник отдела оперативного руководства Генерального штаба сухопутных войск мог утверждать, что «зима наступила 5 декабря»<sup>35</sup>. Происшедшее в тот день резкое падение температуры являлось не началом зимы, а лишь резким похолоданием, характерным для русской зимы. В Москве среднесуточная температура в декабре составляет обычно 11 градусов ниже нуля<sup>36</sup>.

По мнению генерала фон Лосберга, «можно было рассчитывать на то, что после периода распутицы приблизительно в середине ноября установится сухая и не слишком холодная погода. Сильные морозы и снегопады в Центральной России наступают, как правило, не раньше начала января.

---

<sup>34</sup> См. приложение 2.

<sup>35</sup> *Heusinger*. S. 391.

<sup>36</sup> *Leimbach*. S. 59.

Немецкое командование возлагало большие надежды именно на эти шесть недель – от середины ноября до конца декабря»<sup>37</sup>. В этом своем мнении высшее немецкое командование было право в одном: период распутицы действительно закончился в середине ноября. Однако представление о том, что потом наступит «сухая и не слишком холодная погода», было лишено всякого реального основания и могло кончиться лишь жестоким разочарованием. Снегопады являются такими же метеорологическими осадками, а на сухой бесснежный период рассчитывать было нельзя – как на основании опыта предыдущих кампаний<sup>38</sup>, так и на основании многолетних метеорологических наблюдений. Такими же безосновательными были надежды на «не слишком холодную погоду». Было полным безрассудством строить планы важнейшей наступательной операции на таком зыбком фундаменте. Опасность этой азартной игры усугублялась тем, что перед и без того ослабленными и измотанными войсками ставились все более трудные задачи. Не приходилось сомневаться в том, что серьезные холода, характерные даже для мягкой русской зимы, могут стать – при отсутствии необходи-

---

<sup>37</sup> *Loßberg*. S. 138.

<sup>38</sup> Даже в расположенных западнее областях, бывших театром военных действий на Восточном фронте в 1914 году, зима со снегопадами и морозами тоже наступила уже в ноябре. «С первого дня сражения под Лодзью (17.11.14) наступил сильный мороз. Многие солдаты страдали от обморожений, а также от болезней, связанных с холодом и отсутствием теплого обмундирования и обогрева...» (История гессенского 82-го пехотного полка. С. 33).

мых мероприятий – причиной еще большего ослабления измотанных несколькими месяцами боев войск. Длительные боевые действия в условиях даже не слишком сильных морозов может выдержать только закаленный и волевой солдат, при условии что его обмундирование, снаряжение и питание соответствуют возросшим требованиям. Опыт всей военной истории показывает, что из всех времен года самым трудным для ведения военных действий является зима. Способы их ведения разительно отличаются от таковых летом и осенью. Любая армия, которая перейдет этот климатический рубеж без надлежащей подготовки, рискует оказаться в тяжелом положении.

Войска являются орудием в руках высшего командования, но они могут стать и его жертвой. Неумение ставить адекватные цели войны и неразумное использование может погубить войска. Терпеть лишения и невзгоды – это долг и добродетель солдата; без этой добродетели невозможно поддержание высокого боевого духа армии. Однако чрезмерные нагрузки и жертвы можно терпеть лишь непродолжительное время. Если же они затягиваются надолго, то могут привести к подрыву физического и морального состояния армии, а оно является первым и самым главным залогом победы.

Даже такие современные и отлично оснащенные силы, как экспедиционные войска западных союзников под командованием генерала Эйзенхауэра, были вынуждены после нескольких месяцев наступления, несмотря на то что вести



войну на западном театре военных действий несравненно легче, чем на восточном, остановиться, чтобы подготовиться к ведению боевых действий в условиях наступившей зимы. «В таких операциях главное – это артиллерийская поддержка и бесперебойное снабжение боеприпасами; что касается пехоты, то от нее требуется выдержка, выносливость и неустрашимость. При прочих равных условиях пехота всегда несет наибольшие потери, особенно на уровне взводов. На долю пехоты при любом способе ведения войны выпадают самые большие жертвы; в любой войне она несет наибольшие потери. Эти потери обусловлены не только столкновениями с противником. Небоевые потери в пехоте тоже выше, нежели в других родах войск. Пехотинцы больше, чем другие, подвержены действию погодных условий и поэтому страдают от обморожений, траншейной стопы, заболеваний дыхательных путей. Так как дивизии несут относительно большие потери в своих пехотных частях, их наступательная мощь значительно ослабевает. Поскольку с каждым днем людей, идущих вперед под прикрытием артиллерийского огня, становилось все меньше и меньше, наша наступательная мощь сильно снизилась. Но даже без учета этой проблемы, проистекавшей из снижения наступательных возможностей отдельных подразделений, у нас возникли большие проблемы с выдвижением вперед большого числа дивизий, которые использовались для охраны коммуникаций и

поддержки массированного наступления»<sup>39</sup>.

Для того чтобы продемонстрировать влияние точки зрения и приказов немецкого командования на полевые войска, мы рассмотрим пример 82-го пехотного полка и других частей 31-й пехотной дивизии, воевавшей на Восточном фронте в 1941–1942 годах.

---

<sup>39</sup> *Eisenhower*. S. 388.

# Глава 1

## Подготовительный период (15.09.40–21.06.41)

### Вартегау

Мы стояли во французской провинции Нормандия, в Мортене, Сурдевале и окрестных деревнях, когда в 31-ю пехотную дивизию поступил приказ от 6 сентября 1940 года, отменявший прежнее распоряжение о подготовке вторжения в Англию и ставивший задачу передислокации 82-го пехотного полка. По соображениям секретности место назначения полка не было нам сообщено. Было лишь приказано подготовиться к пятидневной поездке по железной дороге.

Несколько дней спустя полк был уже в Вартегау<sup>40</sup>. После четырехдневного пути поезд штаба полка ранним утром 14 сентября прибыл на станцию Вайценфельд в Плешене (польский Плешев. – *Ред.*). Там нас оповестили, что мы прибыли в пункт назначения. Перспектива задержаться здесь надолго никого из нас не прельщала: неприметная, убогая железнодорожная станция, забытая богом деревня, серое, без про-

---

<sup>40</sup> Западная Польша, аннексированная немцами в 1939 г. (*Примеч. ред.*)

светов, небо, с которого сыпался мелкий морозящий дождь, и осенний холод, и бескрайний тусклый горизонт – все это отнюдь не облегчало нам смену живописных нормандских пейзажей на унылую восточную равнину. Молодежь была сильнее разочарована тем, что в отправке из Франции видела поначалу предзнаменование мира и возвращение в места постоянной дислокации – в Геттинген и Нортхайм.

Семимесячное пребывание в Вартегау в военном отношении оказалось весьма полезным для подготовки к войне с Россией, но первоначальные надежды на уют и отдых очень скоро развеялись как дым. Местность эта, вопреки первому впечатлению, оказалась очаровательной и прелестной. У тех, кто пробыл там те месяцы, Плешен (Плешев), Кошмин (Козмин) и Яроцин оставили самые приятные воспоминания о начале долгого и трудного пути, который было суждено впоследствии пройти полку. Мы никогда не сможем забыть душевное расположение и гостеприимство, проявленное в отношении нас жившими там немцами, пережившими в 1918 году смену государственности, но оставшимися верными своему немецкому происхождению. Этим людям было тяжело переносить неопределенность будущего уже тогда – никто не знал, будет война с Россией или нет. Они во всяком случае надеялись, что вооруженного конфликта с ней удастся избежать. Для населения этих немецких пограничных земель поражение обернулось бы окончательной потерей родины и имущества.

Разница в культуре между польскими территориями и бывшей прусской (до 1919 г.) провинцией Позен (Познань) – Вартегау – была просто разительной. Внешний вид городов, деревень, дорог и сельскохозяйственных угодий, расположенных по эту сторону имперской границы 1918 года, был чисто немецким. Собственно Польша начиналась по ту сторону реки Просны. Сто двадцать пять лет прусского господства подняли позенские земли до уровня остальной монархии. Просна стала разграничительной линией между страной прусских колонистов и сферой славянского влияния.

В противоположность неблагоприятным условиям расквартирования, с которыми столкнулись части 31-й дивизии, расположившиеся в польских районах в Калите, Кутно и Лодзи, части, устроившиеся в Плешене (Плешеве), Яроцине и Кошмине (Козмине), наслаждались почти мирными условиями жизни. В том, что касалось сооружений для размещения и тренировки личного состава (казармы, плацы, стрельбища и полигоны), здесь нам были созданы самые благоприятные условия. Служба проходила, можно сказать, практически в условиях мирного времени, что было очень полезно для планомерного обучения солдат и поддержания дисциплины.

Затем последовали весьма болезненные изменения в составе ядра нашего полка. Во вновь сформированную в Бергене (близ Целле в Нижней Саксонии к северу от Ганновера) 131-ю пехотную дивизию были переданы некоторые подраз-

деления 31-й пехотной дивизии. Одному только 82-му пехотному полку пришлось отправить в Берген 3-й батальон<sup>41</sup>, противотанковую роту и роту полевых орудий, а также, помимо этого, передать в 12-й пехотный полк 31-й пехотной дивизии часть личного состава. Все эти перемещения касались только людей; вооружение и обмундирование они получали в тех частях и подразделениях, куда их переводили. Оружие, боеприпасы, военное оборудование, лошади, повозки и автомобили остались в распоряжении 82-го пехотного полка, командованию которого пришлось восполнять убыль личного состава за счет внутренних резервов и прибывшего с родины в октябре 1940 года пополнения. Уровень боеспособности ослабленного по численности почти на треть полка в течение нескольких месяцев оставался весьма условным. То, что за время передышки в военных действиях зимой 1940/41 года нам удалось ликвидировать это ослабление, вызванное раздроблением частей и соединений, не в последнюю очередь было связано с тем, что командование сухопутными силами поняло, что дальнейшее раздувание количества соединений скажется на их качестве и боеспособности.

Использование боевых частей в качестве учебных было новшеством в немецкой действующей армии. Мы от души приветствовали это нововведение, так как передачу под нашу ответственность обучения и воспитания пополнения

---

<sup>41</sup> См. приложение 3.

мы рассматривали как действенное средство быстрого приобщения молодых солдат к духу и качеству испытанных в боях войск. Для решения этой задачи 82-й запасной батальон в Гёттингене с полным пониманием ее смысла снабдил нас учебными пособиями и полевым оборудованием. Самая большая трудность в обучении молодых рекрутов заключалась в нехватке обучающего персонала, который понес потери во время кампаний в Польше и Франции. Но самая главная причина нехватки подготовленных офицеров и унтер-офицеров была обусловлена резким увеличением численности вооруженных сил перед войной. Первоочередной и нелегкой задачей стало устранить эту трудность, подготовив в течение нескольких недель инструкторов из имевшихся в наличии офицеров, унтер-офицеров и опытных солдат. Восемь месяцев, прошедших с октября 1940 года до начала русской кампании, были не таким уж большим сроком для того, чтобы тщательно выковать из семисот новобранцев полноценных солдат, а затем обучить их действиям в составе части для того, чтобы восстановить боеготовность полка. «Превосходство наших войск над войсками противника является таким впечатляющим, что оно, должно быть, околдовало нас, тем более что есть основания полагать, как нам и хотелось бы, что в отношении противника отнюдь не требуется тот уровень подготовки, которого мы хотим добиться»<sup>42</sup>. Это справедливое в отношении французской кам-

---

<sup>42</sup> Из письма генерал-полковника Бека автору от 17.06.40.

паники суждение не соответствовало требованиям, которые могла выдвинуть война против России. В свете грандиозных задач предстоящей войны на Востоке нельзя было считать достаточным вообще любой имеющийся уровень военной подготовки войск. Только, возможно, самая высокая степень знаний и умений, высочайший уровень личной боеспособности и умения действовать в составе подразделений могли в какой-то мере гарантировать соответствие войск чрезвычайным требованиям восточноевропейского театра военных действий. 25 ноября 1940 года командир 31-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Кемпфе, на основании указаний высшего командования, собрал командиров частей вверенной ему дивизии и сообщил им о том, что у Германии нет никаких «военных планов против России»<sup>43</sup>. Тем не менее командиру 82-го пехотного полка настоятельно посоветовали не ослаблять усилий по воспитанию и обучению личного состава вверенной ему части, имея в виду возможность борьбы на Востоке. Обе книги Коленкура<sup>44</sup>, другая литература о походе 1812 года, книги о других зимних кампаниях, а также собственный трехлетний опыт боев в России в Первую мировую войну сыграли большую роль в психологической и военной подготовке 82-го полка к выполнению будущих задач.

---

<sup>43</sup> Лосберг (с. 112) сообщил мне, что окончательное указание о подготовке к наступлению на Россию было дано Гитлером после завершения проведенного осенью планирования кампании, 18 декабря 1940 г., в присутствии командующих тремя видами вермахта.

<sup>44</sup> *Caulaincourt. Mit Napoleon in Russland und Unter vier Augen mit Napoleon.*



Морозная и снежная зима 1940/41 года была самой природой предназначена для того, чтобы дать наглядное представление о том, что нам, возможно, предстояло. Той зимой мы пользовались любой возможностью, чтобы приучить войска к тяжелым действиям в суровых зимних условиях. Уже тогда нам стало ясно, что наши автомобили не выдерживают тяжелых зимних условий и отказывают на сильном морозе и при мощном снежном покрове. В этой ситуации незаменимым транспортным средством становились лошади. Транспортная связь между тремя местами расквартирования полка осуществлялась исключительно верховыми и на санях. В результате введения конной эстафеты расстояние между городами Плешен (польский Плешев) и Яроцин (24 км) удавалось покрывать за 1 час 45 минут. Опыт той зимы позволил нам подготовиться к тому, чтобы в случае необходимости перевести моторизованную противотанковую артиллерию полка на конную тягу. Офицеров, унтер-офицеров и солдат этой роты обучали искусству верховой езды и управления гужевыми транспортными средствами, а также правилам содержания лошадей и ухода за ними. Этот подход целиком и полностью себя оправдал во время военных действий в России осенью 1941 года.

Представители высшего командования навещали нас редко. Из Верховного главнокомандования вермахта (ОКВ), из Главного командования сухопутных сил (ОКХ) и командования группы «Центр» мы вообще не видели никого, а ге-

нерал, командовавший XII армейским корпусом, которому подчинялась 31-я пехотная дивизия, появлялся в нашем расположении от случая к случаю. Напротив, командующий 4-й армией фельдмаршал фон Клюге заезжал в расположение 82-го пехотного полка каждый раз по пути из Варшавы, где размещался его штаб, на родину и на обратном пути. Его визиты, которые он наносил без предупреждения, никогда нам не мешали. В литературе идут споры о позиции фельдмаршала в отношении событий 20 июля 1944 года; надо, однако, сказать, что он всегда с большой теплотой относился к заботам и нуждам войск. С Клюге можно было откровенно обсуждать как проблемы стратегического масштаба, так и мелкие вопросы военного быта. Клюге был настоящий солдат и мог многое простить подчиненным за мужество и верность долгу. Но фельдмаршал был строг и поэтому внушал страх людям слабым и нерешительным. Он всегда проявлял понимание и сочувствие к пехоте, которая всегда несет на своих плечах основную тяжесть боевых действий.

Начавшееся выдвижение восточной германской группировки на исходные позиции сделало заметным ограничение возможностей расквартирования уже в начале марта 1941 года. Кошмин (польский Козмин) пришлось освободить для других частей, и 3-й батальон 82-го пехотного полка был переведен в Плешен (польский Плешев) на запасные квартиры. Это перемещение в самый разгар обучения пополнения было тем более болезненным, что, помимо всего прочего, со-

крашало время, отведенное на боевую учебу. После многочисленных противоречивых приказов Главного командования полк в конце марта получил окончательный приказ выдвинуться из Плешена (Плешева) и Яроцина на Вартский войсковой полигон близ Позена (Познани).

Так как 82-й пехотный полк пробыл в Плешене (Плешеве) и Яроцине больше полугода, он накопил там значительные запасы обмундирования и снаряжения (между прочим, мы специально получили из Германии бывшее в употреблении обмундирование, чтобы сберечь хорошую форму на случай начала боевых действий), а также изготовленных собственными силами учебных пособий и оборудования. Теперь, в преддверии передислокации, надо было решить, что делать со всем этим имуществом – оставить его на месте или отправить в Германию. Для того чтобы принять решение, отвечающее интересам войск, нам нужна была ясность относительно длительности пребывания на Вартском полигоне и его дальнейшего перемещения – будет ли он передислоцирован дальше или вернется в Плешен (Плешев) и Яроцин. Царившая в штабах высшего командования неопределенность относительно дальнейшего применения полка очень сильно осложняла подготовку мероприятий, связанных с выдвижением из Плешена (Плешева). Кабинетным штабистам зачастую хватает нескольких слов для того, чтобы отдать приказ о передислокации того или иного соединения. Выполнение же этого приказа требует большой и кропотливой ра-

боты, трудность которой усугубляется неопределенностью указаний высшего командования относительно диспозиции войск. Выступление войсковой части, которая провела долгое время на одном месте, требовало известного времени на подготовку к восстановлению готовности к маршу и решения вопросов о целесообразности складирования запасов на прежнем месте или их перевозки в другое место.

Высшее командование практически не позаботилось о подготовке квартир на пути следования части и о размещении войск по прибытии на полигон. При этом речь шла не о выдвижении на вражескую территорию, где мы могли бы сами легко позаботиться о размещении военнослужащих, а о марше по плотно занятой немецкими войсками территории, где возможность расквартирования зависела от разрешения местных гражданских и военных властей. Разумеется, что в этих условиях мы, насколько это было возможным, полагались только на себя. Тем не менее ввиду недостатка мест для стоянок войскам приходилось совершать большие переходы для того, чтобы покрыть расстояние от Плешена (Плешева) до Позена (Познани). Расстояние от Плешена (Плешева) до Вартского лагеря (120 км) мы преодолели за два с половиной дня. В переходе от Плешена до Нейштадта на Варте (ныне Нове-Място-над-Вартой) мы воспользовались той же дорогой, по которой выдвигался на позиции в битве у Лодзи в 1914 году<sup>45</sup>

---

<sup>45</sup> Лодзинская операция 29 октября (11 ноября) – 11(24) ноября 1914 г. После

---

успешного завершения русскими войсками Варшавско-Ивангородской операции русская ставка разработала план глубокого вторжения на территорию Германии силами 2-й и 5-й армий Северо-Западного фронта и 4-й и 9-й армий Юго-Западного фронта. Упредив русские войска в наступлении, германское командование попыталось окружить 2-ю и 5-ю русские армии в районе Лодзи. Однако ударная группа немцев (3 пехотные и 2 кавалерийские дивизии) под командованием Шеффера, сумевшая пробиться севернее Лодзи и вышедшая в тыл русской 2-й армии юго-восточнее этого города, сама попала в ловушку, была окружена и потеряла в боях 10–11 (23–24) ноября свыше 40 тыс. убитыми и пленными. Однако ее остатки, идя напролом через позиции русской 6-й Сибирской дивизии, сумели пробиться к своим (вышло 6 тыс. человек). План немцев провалился, однако был сорван и план русского командования, наметивший глубокое вторжение в Германию. (*Примеч. ред.*)

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.